

*Д. Летуновский,
докторант¹*

Проблема изобразимости Бога в свете Ветхого и Нового Завета

Запрет на изображение Бога составляет вторую заповедь декалога: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что в воде ниже земли (Исх. 20:4; Втор. 5:8)».

Этот запрет повторяется довольно часто в тексте Пятикнижия: «Не делай себе богов литых (из металла)» (Исх. 34:17); «Не обращайтесь к идолам, и богов литых не делайте себе» (Лев. 19:4); «Не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними» (Лев. 26:1). То же мы видим во Второзаконии: «Проклят, кто сделает изваянный или литый кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте» (Втор. 27:15); «В псалме Давида написано: «Да постыдятся все, служащие истуканам» (Втор. 96(97):7) (См. также: Втор. 4:15-19; Втор. 9:12). Итак, ветхозаветный запрет выражается вполне определенно и направлен он прежде всего на борьбу с идолопоклонством.

Однако в самом библейском тексте в запрете на изображения находятся исключения. Так сказано, что Ковчег Завета был покрыт крышкой, по краям которой были расположены херувимы из литого золота (Исх. 25:17-22). Автором крышки Ковчега являлся некий Веселиил из колена Иуды, о котором сообщается, что он был исполнен «Духом Божиим, мудростию, разумением, ведением и всяким искусством, чтобы работать по золоту, серебру и меди, резать

¹ Свято-Сергиевский богословский институт, Париж

камни для вставливания и резать дерево для всякого дела» (Исх. 31:3-5; 35:30-33). Также можно упомянуть и медного змея, сделанного Моисеем (Чис. 21:9), и эсхатологический Храм из пророчества Иезекииля, содержащий изобразительные элементы, среди которых херувимы с двумя лицами – львиным и человеческим (Иез. 41:17-20).

Но, несмотря на все эти немногочисленные исключения, иконография в ветхозаветном иудаизме весьма ограничена, хотя и достаточно развита и разнообразна. В среде, пропитанной идолопоклонническими культами, евреи отличались от других племен прежде всего отсутствием какого-либо изображения Яхве. Это само по себе не исключало присутствия других изображений. К примеру, царь Соломон призывал мастера Хирама из нееврейского сообщества для строительства и отделки Храма (3 Цар. 7:13-14). Синагоги периода разрушения Храма (70 год по Р. Х.) и в последующее время украшались геометрическими и растительными мотивами, образами животных и растений. Датированные II-III веками вазы с изображениями человеческих фигур были найдены в округе Иерусалима [2, с. 86-111; см. также: 3, с. 261].

И все же, даже несмотря на запрет изображения Бога, и здесь встречаются некоторые исключения, как, например, в поселении Кунтиллет Аджруд на Синайском полуострове, где в 1975/76 году были открыты надписи с рисунками... Яхве и Его жены – Ашеры. Изображение Ашеры рядом с Яхве вызвало прения ученых. Некоторые из исследователей (Уильям Девер, Джудит Хэдли) считают, что подобного рода изображение может служить доказательством существования народной иудейской религии, против которой выступали пророки. Имеются и другие суждения по этому поводу. Как бы то ни было, можно сказать, что евреи были толерантны к изображениям, но только к тем, которые не имели прямого отношения к Богу и культуре. В синагогальном искусстве начала христианской эры библейские сюжеты начинают использоваться наряду с языческими мотивами. Это может быть связано с тем, что в синагогах того

времени работали художники-язычники. Ярким примером этого является синагога в Дура-Европос [4].

Ветхозаветный Закон запрещал изображения по той причине, что они не могли перевести на человеческий язык невидимого и трансцендентного Бога. Однако в противовес этому в книге Бытие написано: «Сотворим человека по образу Нашему» (Быт. 1:26). Бог сотворил человека по Своему образу. Человек же, начиная с первородного греха, отдалился от своего *подобия* с Богом, постепенно укореняясь в *неподобии*. Вместе с тем, ангелы сохранили свою природу нетронутой, что, возможно, может служить объяснением их изображения на Ковчеге Завета.

Ветхозаветные заповеди ограничивают всякое изображение небесного. Даже само звучание имени Бога (вследствие заповеди не произносить его напрасно) было забыто по причине этого ограничения: это имя мог произносить первосвященник всего один раз в год, входя во Свята Святых.

В иудаизме и в христианстве культы, обращенные к идолам, были абсолютно недопустимы. В христианстве и изначально, и теперь служение идолам запрещено: «Дети, храните себя от идолов» (1 Ин. 5:21). Нигде в Четвероевангелии не упоминается об изобразительном искусстве. Однако в разных текстах Нового Завета мы находим осуждение идолопоклонства. Так, Христос отвечает искушавшему Его сатане: «Отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4:10). В Деяниях святых Апостолов с осуждением вспоминается об изготовлении евреями золотого тельца, которому они принесли жертву, веселясь перед произведением своих рук (Деян. 7:40-43; см. также 1 Кор. 12:2; 1 Фес. 1:9; Откр. 2:14 и 9:20). Апостолами запрещалось вкушение всего, что было осквернено идолами (Деян. 15:20, 29; 1 Кор. 10:18-21).

Во все времена христиане отказывались кадить и перед языческими идолами, и перед статуями обожествлявшихся императоров. Но если по отношению к языческим изображениям у христиан было единодушное отвержение, то об-

раз Христа, Божьей Матери и святых, а также почитание святых мощей разделили Церковь на защитников и противников иконопочитания. Это разделение, которое еще зовется движением иконоборчества, наиболее проявило себя в VIII–IX веках. Именно в этот период Церковь, противодействуя иконоборцам, развила и сформировала богословие иконы.

Первым и главным обвинением со стороны иконоборцев против почитания икон было обвинение в идолопоклонстве. Иконоборцы утверждали, что посредством поклонения иконам Церковь впала в язычество. Таким образом, «с самого начала противодействия основным оружием иконоборцев против изображений было библейское [5] запрещение» [6, с. 156]. Но было ли направлено это запрещение против вообще любого изображения? Нет, так как иконоборцы содействовали распространению изображений креста, растений, животных и всякого рода декораций [7]. К тому же, ополчаясь против икон, иконоборческие императоры не спешили стирать свои собственные лица с монет или уничтожать свои портреты.

Сторонники иконоборческой ереси боролись прежде всего за то, чтобы уничтожить саму традицию иконопочитания и вместе с ней – православную христологию, во что бы то ни стало стараясь выставить на первый план свою собственную, отличную от христологии Вселенских соборов, в особенности четвертого Халкидонского Собора (451 года). Итак, именно христология становится краеугольным камнем в спорах о легитимности иконы. Исходя из христологической концепции иконоборцев, изображение Христа на иконе недопустимо и богохульно, и, что самое главное, невыполнимо, потому что две природы Христа, объединенные в одном лице, исключают, по их мнению, всякую изобразимость как Божественной природы (так как Божество немыслимо и неопишимо), так и человеческой (по той причине, что написанный образ не будет ничем отличаться от любого другого человеческого изображения).

Уже святой Афанасий говорит о практикуемой в римской традиции почитать изображение императора так, как

если бы вместо него присутствовал сам император. Это сравнение станет одним из аргументов, использованных защитниками икон во время иконоборческих споров. Почему? Потому что не идет речь о единственности изображения императора и самого императора (то, в чем иконоборцы будут упрекать православных: неединосущие природы Христа и его изображения), но имеется в виду «похожесть одного и другого, что и позволяет сказать: кто видел изображение, тот видел императора» [6, с. 29].

Во всяком случае, концепция изображения как единосущного оригиналу противоречит античному пониманию изображения, которое характеризовалось скорее следующим: образ рассматривался как отражение, тень, более или менее совершенное подобие оригиналу. Тогда откуда в таком случае идет эта идея единосущного изображения?

Эта идея происходит из одного из основных пунктов тринитарного богословия, когда стоит вопрос об отношении между Богом Отцом и Богом Сыном, где Сын – единосущный образ Отца. Становится понятным, что принцип единосущности Нерукотворного Образа с Прототипом был трансформирован иконоборцами для того, чтобы смочь отвергнуть образ нарисованный.

Отсюда мы также видим, почему император-иконоборец Константин V Копроним только Евхаристию (где хлеб одновременно является телом Христа) расценивал как истинную икону.

Православная традиция противопоставляет этому свое богословие иконы, основы которого лежат в христологическом догмате. Церковь не останавливается на определении иконы как «Библии для неграмотных», но идет дальше, заявляя, что через икону являет себя Божественная ипостась, которая стала видимой после воплощения Бога Слова.

Апостол Павел так формулирует христологическую основу иконы: Христос, «который есть образ (εἰκών) Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» (Кол. 1:15). Сам Христос говорит: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9). Образ Христа является образом Бога, ставшего Чело-

веком, то есть изображением воплощенного Слова. Это значит, что икона Христа являет нам то, что видимо в Боге, ставшем Человеком, хотя Его Божественность остается непостижимой и неопишуемой.

Святой Иоанн Дамаскин говорит: «Иконы открывают видимое Того, кто в Себе невидим и неизобразим, и кто изображается телесно, чтобы дать возможность (для тех, кто смотрит на икону) быть понятым едва видимым способом [...]». Так как невидимые качества Бога, проявленные в творении, воспринимаются чувственно» [8].

Защищая святые изображения, Церковь защищала не только их поучительную или эстетическую роль, но сам фундамент христианской веры: догмат о воплощении Бога.

В заключение можно обобщить, что в Ветхом Завете запрет на изображение Бога полностью оправдывает себя по той причине, что Бог невоплощенный остается невидим и поэтому неопишуем (неизобразим). Бог Отец по той же причине остается неизобразим и в Новом Завете. А изображение Бога Сына стало возможным лишь после Его воплощения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2008. – 1328 с.
2. Yadin, Y. *Bar-Kokhba : La redécouverte du héros légendaire de la dernière révolte juive contre Rome impériale* / Y. Yadin. Ed. Weidenfeld & Nicolson. – Londres, 1971. – P. 86-111.
3. *Trente ans d'études judaïques à l'Université du Massachussetts Amherst*. Ed. University of Massachussetts Amherst. – Massachussetts, 2004.
4. Kraeling, Carl H. *La Synagogue. Fouilles à Doura-Europos. Rapport final 8/1* / Carl H. Kraeling. Yale University. – New Haven, 1956.
5. *Lettres de Grégoire II à Léon III*. Текст оригинала см.: Mansi, 12, 959 E. Перевод на французский: Gouillard, J.

- Aux origines de l'iconoclasme: le témoignage de Grégoire II? / J. Gouillard // Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine. T. III. – Paris, 1968. – P. 243-307.*
6. von Schönborn, Christoph. *Ikône du Christ. Fondements théologiques / Christoph von Schönborn. Ed. CERF. – Paris, 1986.*
 7. Grabar, André. *L'iconoclasme byzantin. Le dossier archéologique / André Grabar. Flammarion. – Paris, 1984. – P. 167-200. См. главу VII: “La décoration des églises et les travaux de Théophile”.*
 8. Иоанн Дамаскин. *Три защитительных слова против порицающих святые иконы, или изображения. Слово 1:11 // PG. 94, 1249.*

La problématique de descriptibilité de Dieu dans l'Ancien et le Nouveau Testament

Le thème de mon exposé porte sur la possibilité de descriptibilité de Dieu dans l'Ancien et le Nouveau Testament.

L'interdiction de faire des telles images constitue, dans le Décalogue, le deuxième commandement: «Tu ne te feras aucune image taillée, rien qui ressemble à ce qui est dans les cieux, là-haut, ou sur la terre, ici-bas, ou dans les eaux, au-dessous de la terre (Ex. 20:4 ; cf. aussi Deut. 5:8)».

Cette interdiction est renouvelée à plusieurs reprises dans le texte de la Pentateuque: «Tu ne feras pas de dieu de métal fondu» (Ex. 34:17); «Ne vous tournez pas vers les idoles et ne vous faites pas fondre des dieux de métal» (Lév. 19:4); «Vous ne vous ferez pas d'idoles, vous ne vous dresserez ni statue ni stèle, vous ne mettrez pas dans votre pays des pierres peintes pour vous prosterner devant elles» (Lév. 26:1). De même, dans le Deutéronome (4:15-19), et plus loin (9:12); et encore: «Maudit soit l'homme qui fait une idole sculptée ou fondue, abomination pour Yahvé, œuvre de mains d'artisan, et la place en un lieu caché» (27:15). Dans les Psaumes: «Qu'ils soient couverts de honte les adorateurs de statues» (97-96, 7). Le motif de l'interdiction dans l'Ancien Testament paraît clair: il s'agit avant tout de proscrire et de lutter contre l'idolâtrie.

Cependant, dans le texte même de la Bible, l'interdiction semble souffrir des exceptions. Ainsi, il est indiqué que l'arche d'alliance est couverte d'un propitiatoire portant à ses extrémités des chérubins d'or forgé (Ex. 25:17-22). L'auteur de ce propitiatoire est Betsalel, de la tribu de Juda, dont il est dit, à deux reprises, qu'il a été comblé par Yahvé « d'une inspiration divine, de sagesse, d'intelligence, de connaissance et d'aptitude pour tous les ouvrages; pour concevoir des projets et les

exécuter en or, en argent et en bronze; pour tailler les pierres à enchâsser, pour tailler le bois et pour exécuter toutes sortes d'œuvres d'art» (Ex. 31:3-5 et 35:30-33).

De même, on peut se rappeler le serpent d'airain fabriqué par Moïse (Nomb. 21:9) ou le Temple eschatologique prophétisé par Ezéchiel qui comporte lui aussi des éléments figuratifs, dont des chérubins ayant à la fois une face de lion et une face d'homme (Ez. 41:17-20).

Néanmoins, dans le judaïsme vétérotestamentaire, l'iconographie est très limitée, mais dans ses limites elle est assez variée et développée. Dans un environnement imprégné de cultes des idoles (Ex. 20:5, 34:15 ; Ps. 44:21, etc.), les Juifs se distinguaient des autres tribus par l'absence d'image quelconque de Yahvé. Toutefois, cela ne sera pas interdire la présence d'images. Salomon, par exemple, recrute des artistes de *l'extérieur de la communauté juive* pour la construction et l'embellissement du Temple, comme c'était le cas d'Hiram (3 Rois 7:13-14).

Des synagogues dans la période autour de la destruction du Temple (70 ap. J. C.) et par la suite, sont ornées de figures géométriques, végétales; des représentations d'animaux, de plantes. Des vases décorés de figures humaines qui datent des II-III siècles ap. J. C. ont été retrouvés dans les alentours de Jérusalem¹.

Cependant, même avec l'interdiction de la représentation de Dieu, il y a quand même des exceptions, comme dans une forteresse dans Ajrud Kuntillet, dans la péninsule du Sinaï, où on a découvert en 1975/76 des graffitis avec des images de... Yahvé et Sa femme – Asherah.

Il y a tout un débat où les archéologues se discutent à propos d'Asherah. Certains (William Dever, Judith Hadley)

¹ Yadin, Yigaën. *Bar-Kokhba : La redécouverte du héros légendaire de la dernière révolte juive contre Rome impériale*. Ed. Weidenfeld & Nicolson / Yigaën Yadin. Londres, 1971. P. 86-111.

Voir aussi : *Trente ans d'études judaïques à l'Université de Massachussetts Amherst*. Ed. University of Massachussetts Amherst. Massachussetts, 2004. P. 261.

pensent que c'est la preuve de l'existence de la religion populaire israélite contre laquelle luttèrent les prophètes.

Il existe quelques autres opinions là-dessus. En tout cas, on peut dire que les Juifs étaient tolérants aux images qui n'avaient pas de relations directes avec la représentation de Dieu et le culte.

L'art synagogal au début de notre ère commence à utiliser des scènes bibliques aussi bien que l'iconographie païenne. Les artistes païens de cette époque travaillaient dans des synagogues telles que celle de Doura-Europos¹.

La loi de l'Ancien Testament prohibait les images car elles ne pouvaient pas traduire en langue humaine le Dieu invisible et transcendant.

On peut cependant lire dans la Genèse: «Faisons l'homme à notre image, selon notre ressemblance» (Gen. 1:26).

Dieu créa l'homme à son image. Avec le péché d'Adam, l'homme s'est écarté de la *ressemblance* initiale avec Dieu pour s'enfoncer dans la *dissemblance*. Par contre, les anges ont gardé intacte leur nature ce qui pourrait expliquer leur représentation sur l'Arche de l'Alliance.

Ainsi toute expression céleste est limitée. Même la façon de prononcer le nom de Dieu (appuyant sur le commandement de ne pas le dire en vain) a été oubliée en raison de cette limite car une fois par an seulement il était possible de le prononcer par le grand prêtre qui entrait dans le Saint des Saints.

Dans le judaïsme, puis dans le christianisme, les cultes rendus aux idoles ainsi que leur représentation étaient absolument interdits.

Dans le christianisme fussent et sont toujours interdits les idoles: «Petits enfants, gardez-vous des idoles» (I Jn. 5:21). Les quatre Évangiles ne font aucune mention de l'art figuratif. On trouve cependant une condamnation de l'idolâtrie dans différents textes du Nouveau Testament. Ainsi le Christ dit à Satan qui Le tentait: «Retire-toi, Satan! Car il est écrit: C'est le Seigneur ton Dieu que tu adoreras, et à Lui seul tu rendras un

¹ Kraeling, Carl H. *La Synagogue. Fouilles à Doura-Europos. Rapport final 8/1* / Carl H. Kraeling. Yale University. New Haven, 1956.

culte (Mt. 4:10)». Les Actes des apôtres signalent la fabrication du veau d'or par les juifs auquel ils avaient offert un sacrifice, célébrant l'œuvre de leurs mains (Ac. 7:40-43; voir aussi I Cor. 12:2; I Th. 1:9; Ap. 2:14 et 9:20). Les apôtres ont interdit de consommer ce qui avait été souillé par les idoles (Ac. 15:20 et 29; I Cor. 10:18-21).

De tout temps, les chrétiens ont refusé de rendre un culte aux idoles païennes, y compris pour les empereurs considérés comme divinités vivantes. Parmi les chrétiens, donc, il y avait une décision ferme envers les images païennes. Par contre, l'icône du Christ, de la Mère de Dieu et des saints, ainsi que la prosternation devant les saintes reliques ont divisé l'Église en défenseurs et adversaires des images.

Cette querelle, qu'on l'appelle l'iconoclasme, s'est montrée lors des VIII – IX siècles. C'est à cette période-là que l'Église, faisant face aux iconoclastes, a développé la théologie de l'icône.

Le premier et principal reproche des iconoclastes contre le culte des images est celui de l'idolâtrie. Comme quoi, l'Église, en raison du culte des icônes, était retombée dans le paganisme.

Ainsi «dès le début de la querelle, l'arme principale des iconoclastes fut l'interdit biblique¹ au sujet des images²». Est-ce que cette interdiction cible toutes les images? Non, car les iconoclastes favorisaient les représentations de la croix, des plantes, des animaux et toutes sortes de décorations³. Par contre, en supprimant les icônes, les empereurs iconoclastes ne se précipitaient pas d'effacer leurs propres figures des monnaies ou de supprimer leurs portraits.

¹ Voir à propos: *Lettres de Grégoire II à Léon III*. Dans : Mansi, 12, 959 E, trad. Gouillard J. "Aux origines de l'iconoclasme: le témoignage de Grégoire II?". Dans : *Travaux et mémoires* du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantine. T. III. Paris, 1968, pp. 243-307.

² von Schönborn, Christoph. *Ikône du Christ. Fondements théologiques* / Christoph von Schönborn. Ed. CERF. Paris, 1986. P. 156.

³ Voir: Grabar, André. *L'iconoclasme byzantin. Le dossier archéologique*. Chap. VII "La décoration des églises et les travaux de Théophile". 2ème éd. Ed. Flammarion. Paris, 1984. P. 167-200.

Cette hérésie a surtout lutté pour détruire la tradition même des icônes et, avec elle, la christologie orthodoxe en essayant surtout, et à tout prix, de faire prévaloir sa propre christologie particulière, étrangère à celle des Conciles Œcuméniques, et notamment du IVe Concile réuni à Chalcédoine en 451.

C'est donc la christologie qui est au cœur des débats sur l'icône.

D'après la conception christologique des iconoclastes, la représentation du Christ sur une icône est inacceptable et impie, et également, tout à fait irréalisable, car les deux natures du Christ, unies dans l'unique personne, excluent, selon eux, toute représentation, aussi bien de sa nature divine (car l'être divin est inconcevable et indescriptible) que de sa nature humaine, car l'image qui est produite de cette manière ne diffère en rien de n'importe quelle autre représentation humaine.

Déjà saint Athanase parle de la coutume pratiquée à Byzance de vénérer les images de l'empereur comme si c'était lui-même. Cette comparaison sera un des arguments des défenseurs des icônes lors de la crise iconoclaste. Pourquoi ? Puisqu'il ne s'agit pas de la consubstantialité de l'image de l'empereur et de l'empereur lui-même¹, mais de «la ressemblance des deux qui permet de dire: qui a vu l'image a vu l'empereur²».

Par contre, la conception de l'image comme consubstantielle au prototype paraît bien loin de la notion d'image commune au monde grec, qui s'exprime plutôt comme ceci: l'image est vue comme un reflet, une ombre, une ressemblance plus ou moins parfaite du modèle. D'où vient alors cette idée d'une image consubstantielle?

En fait, il s'agit d'un des points principaux dans la théologie trinitaire lorsqu'il est question des relations entre Dieu le Père et Dieu le Fils où le Fils est l'image consubstantielle du Père. Donc, on voit bien que le sens de ce principe de

¹ Ce que les iconoclastes vont reprocher aux orthodoxes: la non-consubstantialité de la nature du Christ et de sa représentation.

² von Schönborn, Christoph. *Ikône du Christ. Fondements théologiques*. P. 29.

consubstantialité de l'Image non faite de mains au Prototype a été transformé par les iconoclastes pour pouvoir nier l'image peinte.

Dès lors on comprend aussi pourquoi l'empereur-iconoclaste Constantin V Copronyme ne considère comme une image valable du Christ que Son corps eucharistique où le pain est en même temps le corps du Christ.

À tout cela, la tradition orthodoxe oppose sa propre théologie de l'icône, qu'elle fonda sur la conception du dogme christologique. Elle ne s'arrête pas sur une définition de l'icône comme "Bible des illettrés" et va plus loin en déclarant qu'à travers l'icône se manifeste la présence de l'hypostase divine, qui est, avec l'incarnation de Dieu le Verbe, dévoilée.

L'apôtre Paul formule le fondement christologique de l'icône: «Le Christ est l'image (εἰκών) du Dieu invisible» (Col. 1:5). Le Christ affirme: «Celui qui m'a vu a vu le Père» (Jn. 14:9). L'image du Christ apparaît comme l'image de Dieu devenu homme, c'est-à-dire comme la représentation du Logos Incarné. Cela signifie que l'icône du Christ nous offre l'image de ce qui est visible du Dieu devenu Homme, bien que sa divinité soit tout à fait inconcevable et indescriptible.

Saint Jean Damascène dit à ce sujet : «Les icônes sont les parties visibles de ce qui, en soi, est invisible et non représentable et qui n'est représenté corporellement qu'afin de permettre d'être compris de manière à peine perceptible [...]. Car les qualités invisibles de Dieu sont perçues de manière intelligible dans les œuvres qu'il a faites depuis la création du monde¹».

En défendant les saintes images, ce n'est pas seulement leur rôle didactique, ni leur côté esthétique que défendait l'Église, c'est la base même de la foi chrétienne: le dogme de l'Incarnation de Dieu.

En conclusion, nous pouvons résumer que dans l'Ancien Testament l'interdiction de représenter Dieu est tout à fait justifiée pour simple raison que Dieu non-incarné reste

¹ Damascène Jean (saint). Défense des Icônes. Discours 1, 11. PG. 94, 1249.

invisible et donc indescriptible. Pour cette même raison Dieu le Père reste indescriptible également dans le Nouveau Testament. Par contre, la représentation du Dieu le Fils est devenue réalisable seulement après son incarnation.